

Илья Муромец и Соловей-разбойник (10)

В городе Муроме, селе Карачарове был-жил Илья Муромец. Сидел Илья Муромеч тридцать лет: не мог он ходить, у его ноги было — ровно верёвки легались. В одно время пришли три старця и просят у его напиться. «Рад был бы вам подать, старци, напиться — да у меня ножечки не служат!» — «А ну-ко встань да попробуй!»

Он встал и пошел во глубок погреб. Налил он братыню пива. Они взяли и говорят: «Ну-ко выпей-ко сам наперед!» Хорошо, он выпил. «Ну, что ты чувствуешь?» — «А у меня появилась нынче силушка!» — «Ну-ко пойдй налей другу пива пьяного нам выпить!»

Он опять вынес им братыню. «Ну-ко выпей ещё ты сам!» Он выпил. «Што ты теперь, Илья Муромеч, чувствуешь?» — «Чувствую я силу агромадную! — говорит. — Если закопан был в сыру землю столб — повернул я сыру землю вверх дном!» — «Ну-ко пойдй налей еще третью братыню!»

— «Ну-ко, выпей еще сам, Илья Муромеч!»

— «Только чувствую я теперь: у меня убыла силушка наполовинушку». — «Ну довольно тебе, Илья Муромеч, этой силушки! А тебе во чистом поле смерть не писана».

Хорошо. А была у его у отца-родителя созвана помочь: чистить чащенину. И побежал Илья Муромеч ко своему родителю на помочь. И почал он рвать и ломать темный лес. Отец удивился своему сыну.

(Вот я тут забыл, как достал коня доброго и сбрую богатырскую.)

Он седлал да коня доброго,
И простилса он да с отцѡм, с матушкой;
И скакал он на добра коня.
И поехал Илья Муромец в путь, да во дорожечку,
И приехал он в деревню да во Черниговку.
Он и спрашивает дорожку да премоезжую.
«Ох ты го́й еси, удалый да добрый молодец!
Залегла́ та дорожецка уже тридцеть лет!
Как по той-то дорожецке есть три заставушки:
Перва-то застава — да лѣсы тѣмныи,
А вторая-то заставушка — да грѣзи чорныи,
А третья-то заставушка есь Соловей да розбойничок.
Он сидит-то нонь да на двенадцеть дубов:
Не пропуска́т он ни конного, ни пешего —
Убива́т он своим громким голосом!»
Скакал тут Илья Муромеч опять на добра коня,
И приехал он да к лесу тѣмному.
Слезывал Илеюшко со добра коня.
Он одной рукой да нонь коня ведѣт,
А другой рукой он ведь лес лома́т,
Он ведь лес лома́т, да он моста́ мостит.
Он проехал ноньче Илья Муромеч да две заставушки,
Он выехал, да Илья Муромеч, на луга да на зелѣные,
Увидал Илья Муромеч двенадцеть дубов.
На дубу-то сидит Соловей он розбойничок.
Засвистал Соловей да по-соловьѣному,
Заревел Соловей да по-зверѣному,
Замызгал собака да по-собачьему,
Зашипел Соловей да по-змеѣному —
А под Ильѣй Муромцем конь да на коленца пал
От того-то от рѣву от соловьиного...
И бьѣт Илья Муромеч коня да по круты́м ребра́м:
«Ох ты конь-то, конь — да травено́й мешок!
Не слыхал ты, конь, свисту да соловьиного,
Али рѣву ты, конь, да зверино́го?»
Вынимает Илья Муромеч да ле ту́гой лук
И вынимает из кольчана да калену́ стрелу́,
И спускает он калену́ стрелу́ да в Соловьѣ-розбойника.
И впи́лась та стрела ему да в пра́вой глаз —

И пал Соловѣй, да как овсяной сноп!
Он свезал Соловья да розбойника
И привезал его к седѣлышку черкаському,
И поехал Илья Муромеч опять в путь да дорожецку.
А надо ехать мимо Соловьиного да высока́ терема́.
А у Соловья-то было да две дочери.
Кинулись эти дочери отымать отца.
Говорит тут Соловей дочерям: «Дети милые!
Ко́гда я не мог состоять с этим удалым добрым молодцем —
Вам подавну́ не состоять!
Вы просите лучше его да во высо́к терём,
Вы угостите его, чем вы можете!»
И стали просить они Илью Муромца во высо́к терём.
А они вздумали да Ильюшку изловить его.
У них поднета была подворотня со зазубрами,
Она не лёгка, не мала — восемьсот пудов:
Хотели они Илью Муромца при́жать подворотнею.
Увидел Илья Муромеч эту ловушечку —
И ударил он коня́ да по круты́м бедра́м,
И поехал Илья Муромеч он да во Киев-град
Да к тому же ко князю да ко Владимиру.
Он приехал, Илья Муромеч, да во Киев-град,
К тому же да ко князю ко Владимиру.
И зашел Илеюшко во гриднюшки во светлые.
А у князя Владимира было пирóваньё-столóваньё
Для всех-то кнезей, для всех бóеров
И для сильних-могучих бо́гатырей.
Он зашел да во гриднюшки во светлые,
Он ведь крест-то кладёт по-писа́ному,
А поклон-от ведёт по-учёному,
Он ведь кланяетце да на все стороны,
А князю Владимиру с кнегиней Апраксеей — на особицю:
«Уж ты здраствуй, красно солнышко Владимир-князь!
Уж вы здраствуйте, князья да все бóера,
Уж вы сильные-могучие бо́гатыри!»
Распроговорил красно солнышко Владимир-князь:
«Я не знаю тебе ни имени, ни вотчины,
И не знаю тебя да отечества!
Ты какóй земли́, какóго городу?» —

«Уж я города ноньче да Мурома,
А села-то я да Карачарова.
А зовут меня Илеюшко, да Илья Муромец
Да сын Иванович!» —
«Ты покуда ехал, покуда путь держал?» —
«Уж я ехал дорожкой да премоеждею!»
Говорят все сильнии-могучие бога́тыри:
«Ох ты го́й еси, красно солнышко Владимир-князь!
Во очах-то детинка да завираетце!
Уж где ему проехать дорожка-то премоеждея!
Залегла та ведь дорожецка тридцеть лет
От того-то Соловья нонь да розбойника!» —
«Ох ты го́й еси, красно солнышко Владимир-князь!
Если вы не верите мне, то пойдёмте:
Я привёз розбойника на двор к себе!»
И пошли все кне́зья-ббе́ры на ширóкой двор,
Уж все сильнии-могучии бога́тыри
И красно солнышко Владимир с кнегиней со Апраксеєю.
Они вышли все да на широкой двор,
Он ведь князя-то взял под праву́ руку,
А кнегиню-то взял под леву́ руку,
И приказал он розбойнику засвистать ему в полсвиста,
И зареветь Соловью нынче в полревá,
И замызгать собаке в половина мызга́.
Тому-де Соловёй да не поверил же:
Засвистал Соловёй да во весь нынче свист,
Заревел Соловёй да во весь-то рёв!
Все кнезья́-ббе́ры да испугалисе,
На карачках по двору́ да напозза́лисе.
А Илья Муромец с кнегиной да Опраксеей
Едва живы́ стоят.
(Он их под руки поддерживал.)
Говорит-то красно солнышко Владимир-князь:
«Ох ты го́й еси, да удалой доброй молодец,
Ох ты го́й, Илья, да Илья Муромец
Да сын Иванович!
Ищё эта нам шуточка не надобна:
Ты уйми Соловья ноньче розбойника!»
Он хватил Соловья да за резвы́ ноги́,

И вѣзнул он выше своей да буйной гóловы,
И ударил он его да о горюч камѣнь —
И росшиб он его, Соловья, да в крóшечки!
И взял красно солнышко Владимир-князь
Илью Муромца да за белы́ руки
И ввел его в гриднюшки во светлыи,
И посадил он Илеюшко ещо выше всех,
И стал он Илеюшко нонь потчевать.
Принесли Илеюшке чару да зеленá вина:
И не малу, не велику — да полтора ведра.
И берёт-то Илеюшко еднóй рукóй —
И выпивает Илеюшко на ед́иной дух.
Поднесли Илеюшке мѣду сладкого тóрий рог.
Берёт Илеюшко еднóй рукой —
Выпивает Илеюшко да ко еднóму духу́.
Говорит-то красно солнышко да таково́ словó:
«Вот тебе, Илеюшко, я дам честь и славушку —
Над кнезьями ты будешь ещо выше всех.
Над богатырями-то ты будешь да ещо выше всех!»
Вставал тут Илеюшко да на резвы́ ноѓи,
И кланялся Илеюшко до пóеса.
Про Илеюшку эта славушка да всё окончилась!

(Зап. А. М. Астаховой 6 июля 1928 г.: д. Белощелье Лешуконского р-на — от Семенова Никифора Калиновича, 75 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.